

ДЕЯТЕЛИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

С. Г. БАРХУДАРОВ

АКАДЕМИК С. П. ОБНОРСКИЙ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Биография выдающегося советского лингвиста-русиста Сергея Петровича Обнорского несложна и представляет собою пример беззаветного служения науке. Родился С. П. Обнорский 14 (26) июня 1888 г. в Петербурге. Окончив гимназию в 1905 г., поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в пору расцвета там русской филологической науки. Интересуясь преимущественно славяно-русским языкознанием, он занимался под руководством И. А. Бодуэна де Куртене, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, П. А. Лаврова.

Под непосредственным влиянием А. А. Шахматова у Сергея Петровича сложился и четко определился живой интерес к науке о русском языке. По окончании университета он был оставлен при кафедре для подготовки к профессорской деятельности и в 1915 г., закончив магистерские испытания, работал в качестве приват-доцента на кафедре русского языка Петроградского университета. В 1912 г. С. П. Обнорский был приглашен в Академию наук для участия в редактировании словаря русского языка, и с тех пор его научная деятельность связана с Академией наук. В 1916 г. С. П. Обнорский командирован для чтения лекций во вновь учрежденное Пермское отделение Петроградского университета, а в 1917 г. в связи с открытием самостоятельного Пермского университета Обнорский был зачислен в его состав в должности профессора. В 1922 г., вернувшись в Петроград, он занял должность профессора, заведующего кафедрой русского языка Университета, и занимал эту должность вплоть до осени 1941 г. — до эвакуации из Ленинграда в Казань. В 1931 г. С. П. Обнорский был избран членом-корреспондентом, а в 1938 г. — действительным членом АН СССР.

В 1943 г. после переезда из Казани в Москву Сергей Петрович работал профессором, заведующим кафедрой русского языка в Московском университете. В 1944 г. по инициативе Обнорского в составе АН СССР был создан в Москве Институт русского языка, директором которого он состоял до 1950 г., когда этот институт был объединен с Институтом языка и мышления в единый Институт языкознания АН СССР. Такова внешняя история жизни С. П. Обнорского. Она не богата событиями и целиком подчинена задачам изучения русского языка, подготовке кадров русистов.

Научная деятельность Сергея Петровича Обнорского, которая продолжается, все расширяясь и углубляясь, почти пятьдесят лет, поражает своей цельностью и монолитностью. Еще на студенческой скамье Сергей Петрович обстоятельно ознакомился с передовыми лингвистическими идеями своего учителя А. А. Шахматова, глубоко усвоил методiku его лингвистического анализа и в течение всей своей богатой творческой жизни следует шахматовскому направлению в русском языкознании. Жизнь и творче-

ство С. П. Обнорского складывались в сложных и противоречивых условиях роста советского языкознания. Но ни разу Сергей Петрович не отшел от своих принципиальных позиций, ни в чем существенном не уступал своим идейным противникам, никогда волна разных модных течений не отвлекла его от избранного направления. Он стойко и мужественно переносил все жизненные невзгоды, сохраняя чистоту и цельность своих научных убеждений.

*

С. П. Обнорский — прежде всего историк языка. Вне истории он не признает научного изучения языка. Историзмом пронизаны буквально все его исследования, в том числе работы научно-прикладного характера — по вопросам культуры речи, орфографии, нормализации языка. Разработке истории языка Сергей Петрович придает исключительное значение и особую важность. По его убеждению, «именно в истории русского языка, достаточно полно и глубоко разработанной, должны содержаться ключи к современному познанию русского языка, притом не только в прошлых стадиях развития языка, но и в современном его состоянии»¹.

Для С. П. Обнорского, как и для А. А. Шахматова, язык есть продукт исторического развития народа. «Именно в языке полнейшим образом — и притом в осмыслении самого народа — отпечатлеваются все этапы истории этого народа от отдаленнейших времен, все ступени, по которым направлялось движение его культуры»². Поэтому подлинная история языка является органической частью общей истории народа, истории его просвещения и культуры. «История русского языка, действительно, не может рисоваться какой-то совокупностью замкнутых в себе явлений и процессов, когда-то совершившихся, где-то протекавших, а где-то не осуществившихся и т. д. Процессы языковой жизни, языковых изменений протекают в необходимом взаимодействии с течением исторического процесса народности»³.

Свою научную деятельность Сергей Петрович начал с описания и анализа языка древнейшего русского памятника — Минея за ноябрь 1097 г. Это была студенческая семинарская работа, написанная под руководством А. А. Шахматова⁴. Уже в этом труде молодой ученый обнаружил прекрасную осведомленность в литературе вопроса, хорошее знание старославянских памятников, тщательность и обоснованность лингвистического анализа. У А. А. Шахматова Сергей Петрович научился критически изучать язык памятника, отграничивая пласт графических явлений от фактов языка, выделяя языковые напластования разных эпох, т. е. овладел той методикой исследования языка древнего памятника, которую позже он с таким успехом применил в своих «Очерках по истории русского литературного языка старшего периода». Типична задача, которую ставит перед собой исследователь: выяснить, «вышла ли Минея из-под руки одного переписчика, или их было несколько, а в последнем случае необходимо... определить их число»⁵. Выводы автора таковы: первая половина памятника (листы 1—108) по всем признакам несколько архаичнее второй (в смысле большей верности церковнославянскому языку), что говорит

¹ С. П. Обнорский, Академик А. А. Шахматов — историк русского языка. К 25-летию со дня смерти, ИАН ОЛЯ, 1946, вып. 2, стр. 78—79.

² С. П. Обнорский, Культура русского языка, М.—Л., 1948, стр. 3.

³ С. П. Обнорский, Академик А. А. Шахматов — историк русского языка, стр. 82.

⁴ Работа эта была напечатана лишь в 1924 г.; см. С. Обнорский, Исследование о языке Минея за ноябрь 1097 года, ИОРЯС, т. XXIX (1924), 1925.

⁵ Там же, стр. 167.

о существовании двух рукописей. Возможно, уже в составлении старославянского оригинала принимали участие два писца.

Характерна для шахматовской школы также следующая черта лингвистического анализа С. П. Обнорского, ярко проявившаяся и в его первой научной работе: это строгое расчленение, отграничение от общих явлений отдельных фактов языка, внешне подходящих к ним, но имеющих свою особую историю. Например, говоря о переходе сильных глухих в *o*, *e*, Сергей Петрович останавливается на написании *нбѣсѣхъ*: «Форма *нбѣсѣхъ* также знакома в церковнославянских памятниках; к тому же самая форма эта была чужда русскому языку, о чем свидетельствует написание *нбѣсѣхъ*: живой русский язык не знал существительных с основой на *ес* (как особую категорию склонения), а потому церковную форму им.-вин. мн. ч. *небеса* в склонении направил в категорию слов среднего рода на *o*, — аналогия *селѣхъ* дала *нбѣсѣхъ*. Таким образом, тут нет „перехода“ сильного глухого в чистый гласный»¹. Подобных частных историй отдельных слов или изолированных групп слов и их форм в данном исследовании немало количество.

Интересна и показательна для исследовательской манеры С. П. Обнорского небольшая его статья «„Беглое“ *в* в Супрасльской рукописи»². В начале статьи автор приводит весь относящийся к теме материал из памятника, распределив его на девять групп, и ставит вопрос: «Как объяснить эту неустойчивость в употреблении, эту „беглость“ *в* в Супрасльской рукописи?». Далее автор переходит к дифференцированному рассмотрению и объяснению материала.

Написание *дѣвѣста* (род. падеж ед. числа вместо *дѣвѣства*), встречающееся два раза (через три строчки) в памятнике, он объясняет несомненной опiskой (в тексте постоянно употребляется *дѣвѣство*). Примеры *гвоздимиши*, *гвоздвинааго*, при постоянных формах *гвоздичи*, *гвоздичинши*, объясняются прогрессивной ассимиляцией: начальное *гво* чисто фонетически привело к замене соседнего *ди* через *двн*. Формы *ржкоуть* — *ржковѣть*, *чоуиство* и *чоуѣство* рассматриваются как лексические дублиеты, выросшие на почве исконого фонетического чередования *и* и *і* в междугласном положении.

Большинство же примеров с «беглым» *в* объясняется «предположением действия в прошлом в кругу данной лексики процесса аналогии с иными сходными образованиями»³. Таковы образования *шьствие*, *бѣчьствие* вместо первоначальных *шьствиѣ*, *бѣчьстикъ* (влияние многочисленной категории имен существительных на *-ьствикъ*); образования *благословѣствити*, *благословѣствовати*. «Следует вообще заметить, что воздействие образований на *-ствѣ* было особенно сильно именно в категории глаголов на *-овати*. Всякое глагольное образование на *-овати* с основой, оканчивающейся на *-ст*, либо вообще изменяло *-стовати* на *-ствовати*, либо допускало при *-стовати* также *-ст-в-овати*»⁴. С такой же тщательностью и четкостью написаны другие аналогичные ранние работы С. П. Обнорского: «Судьба *j*-та (*i*) в Супрасльской рукописи»⁵, «Глухые в сочетании с плавными в Супрасльской рукописи»⁶, «К истории глухих в Чудовской псалтыри XI века»⁷, «О языке Ефремовской кормчей XII века»⁸.

Среди первых трудов Сергея Петровича особое место занимает его ра-

¹ Там же, стр. 184.

² «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», Л., 1928 (сб. ОРЯС, т. СІ, № 3 — Статьи по славянской филологии и русской словесности).

³ Там же, стр. 420.

⁴ Там же, стр. 421.

⁵ ИОРЯС, т. XVII, кн. 3, 1912.

⁶ Там же кн. 4, 1912.

⁷ РФВ, т. LXVIII, вып. 2, № 4, 1912.

⁸ В серии «Исследования по русскому языку», т. III, вып. 1, СПб., 1912.

бота «К литературной истории „Хождения“ Арсения Селунского»¹. История ее появления такова. В 1913 г. В. П. Адрианова опубликовала текст «Хождения Арсения Селунского» по трем редакциям². Вопрос о национальности Арсения, а также о языке и времени написания памятника В. П. Адрианова оставила открытым, хотя, основываясь на названии города Селузь, где служил дьяконом Арсений, и на чисто славянском слове *чвекоть* «шум», она склонна была считать автора болгаряном. В 1914 г. появилась статья А. В. Маркова «Родина паломника Арсения Селунского», в которой автор на основе беглого обзора особенностей языка памятника приходит к решительному заключению, что язык этот великорусский, не с некоторыми западнорусскими элементами³. Выводы А. Маркова лингвистически были слабо аргументированы.

Это заставило С. П. Обнорского взяться за анализ языка «Хождения». Исходя из принципа, что «филологическое изучение памятника должно отправляться не от единичного факта, как бы он ни был своеобразен», а должно идти «от изучения всей совокупности данных памятника к объяснению сомнительных в нем частных»⁴, Сергей Петрович переходит к анализу графики, фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики древнейшего списка (XVI в.) памятника, особо отмечая все типически русское. Выводы из этого анализа таковы: «„Хождение“ Арсения Селунского есть памятник б о л г а р с к о й паломнической литературы; древнейший список его, известный нам в рукописи XVI века, — русской редакции, но, прибавим, безличной, не имеющей никаких данных для суждения о диалекте переписчика; следовательно, все особенности лексики и синтаксиса „Хождения“, равно уцелевшие от переписчиков следы особенностей графики и фонетики, должны получить объяснение только на почве болгарского языка»⁵. Что же касается вопроса о хронологии «Хождения», то высказывается предположение, что данный список является копией оригинала, относящегося к XV в. Эти наблюдения, рассуждения и выводы Сергея Петровича сохраняют свою убедительность и в наши дни.

Известно, что в русском языкознании недостаточное внимание в прошлом уделялось вопросам развития морфологического строя языка. Методология исследования морфологических явлений в должной степени не была разработана. В развитии морфологических явлений чрезмерное значение придавалось то фонетическим факторам, то законам аналогии, то семасиологическим причинам. Инвентарь морфологических категорий и форм и условия их употребления в живом русском языке не были выяснены и описаны. Письменные источники и народные говоры с точки зрения морфологического состава были изучены слабо. Заслуга С. П. Обнорского перед нашей наукой заключается в том, что он разработал приемы научного анализа морфологических явлений русского языка и дал обстоятельное, всестороннее исследование русского именного склонения.

Интерес к проблемам морфологии у Сергея Петровича зародился давно. В 1913 г. он опубликовал две статьи по русскому именному склонению — об употреблении род. падежа ед. числа на *-у*, *-ю* от существительных муж. рода в языке К. Н. Батюшкова⁶ и о формах склонения имен существи-

¹ ИОРЯС, т. XIX, кн. 3, 1914.

² ИОРЯС, т. XVIII, кн. 3, 1913.

³ РФВ, т. LXXI, вып. 2, № 2, 1914.

⁴ ИОРЯС, т. XIX, кн. 3, стр. 196.

⁵ Там же, стр. 202.

⁶ С. П. Обнорский, Одна особенность языка К. Н. Батюшкова, «Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко...», СПб., 1913.

тельных по сатирам Кантемира¹. В 1924—1925 гг. вышли из печати еще две статьи, посвященные именовому склонению с широким привлечением данных народных говоров. Это статьи о формах звательного падежа² и о двойственном числе в русском именовом склонении³. В 1927 г. выходит из печати первый выпуск монументального исследования «Именное склонение в современном русском языке»⁴. Второй выпуск был опубликован в 1931 г.⁵

Это исследование как по охвату материала, по четкости лингвистического анализа и обоснованности многих выводов, так и по своим принципиальным положениям является крупным событием в советской русистике. Автор поставил перед собою огромную задачу: определив исходный момент изучаемого явления, проследить процесс дальнейшего его развития до современного состояния не только в литературном языке, но и во всех русских диалектах. Для разрешения такой сложной задачи прежде всего необходимо было привести в ясность все факты многочисленных народных диалектов, извлекая их из печатных и рукописных диалектологических источников (из описаний, исследований, ответов на программу, из записей различных произведений народного творчества и т. п.). Эта работа была выполнена с почти исчерпывающей полнотой. Распределенный по географическому принципу диалектный материал дал во многих случаях четкие изоглоссы. Обширные данные были извлечены из литературных источников.

Для объяснения явлений русского языка широко привлекались параллельные факты из украинского и белорусского языков, а также — по мере надобности — из других славянских языков. Учитывались и показания древних русских памятников. Хотя исследование носит ограничительное название «в с о в р е м е н н о м русском языке», но по существу перед нами обстоятельный труд по и с т о р и и русского именного склонения. Анализ морфологических явлений производится всесторонне, с учетом воздействий со стороны фонетических, акцентологических, семасиологических, стилистических факторов. Особое значение придается акцентологическим закономерностям, прекрасным знатком которых показал себя автор. Многие важные явления в области русского именного склонения [род.-местн. падежи ед. ч. на -у, (-ю), им. падеж мн. ч. муж. рода на -а (-я), -ья, многие формы род. падежа мн. ч. и др.] в исследовании получили новые, оригинальные, научно обоснованные толкования.

Все исследование завершается выводами, имеющими общетеоретическое значение. Главные из них таковы: 1) принцип аналогии, которым часто пользуются при объяснении изменений морфологических явлений, на самом деле имеет ограничительное значение в развитии морфологических процессов: воздействие аналогии здесь само имеет свои причины и оправдывается наличием известных факторов, обыкновенно фонетического порядка; 2) изучение определенных явлений русского именного склонения показывает, что в эпоху сложения великорусского единства в языке сохранялись еще унаследованные из старейших эпох интонационные различия в ударении; 3) развитие морфологической системы русского литературного языка протекает в условиях непрерывного воздействия со

¹ С. П. Обнорский, Формы склонения по сатирам Кантемира, РФБ, т. LXIX, вып. 4, № 1, 1913.

² S. Obnorskiĭ, Die Form des Vokativs im Russischen, «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. I, 1925.

³ S. Obnorskiĭ, Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen, «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. II, 1925.

⁴ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1 — Единственное число, Л., 1927 (сб. ОЯС, т. С, № 3).

⁵ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2 — Множественное число, Л., 1931.

стороны живой народной речи. Влияние же литературного языка на народную речь в области именного склонения ничтожно; 4) на русский литературный язык длительное и устойчивое влияние оказывало московское наречие. Начиная с Петровской эпохи, наряду с продолжающимся воздействием московской и вообще южновеликорусской народной речи, началось довольно значительное влияние и северновеликорусской народной стихии.

Большую научную ценность представляют и отдельные статьи Сергея Петровича, посвященные частным вопросам морфологии и фонетики. Небольшие по объему, предельно сжатые по изложению, они опираются на богатый материал (литературный и диалектный), специально подобранный, всесторонне проверенный, критически изученный и обследованный. Поэтому выводы автора звучат убедительно и обоснованно. Таковы, например, статьи: «Глагол *использовать* — *использовывать* в современном русском языке»¹, «Префикс *без* в русском языке»², «Сочетание *чи* в русском языке»³, «Переход *е* в *о* в современном русском языке»⁴.

Ценность этих статей не только в том, что в них раскрывается конкретная история движения изучаемых языковых явлений, но и в том, что в них показано, какими сложными путями шло развитие русского литературного языка, как «рост и развитие литературного языка, книжного в своем остоле, протекало и протекает в условиях непрерывного воздействия на него со стороны диалектической стихии, этой основной питающей среды, дающей силы и жизненность самой литературной базе языка»⁵.

Вторая монография С. П. Обнорского — о русском глаголе⁶ — задумана в плане его «Именного склонения», но выполнена она не во всех частях так обстоятельно и цельно, как первая монография. Объясняется это отчасти тем, что «Очерки» представляют собою изложение курса лекций по истории русского глагола, читанных автором в тридцатых годах в Ленинградском университете. Лучшим разделом книги является раздел об образовании глагольных форм 3-го лица ед. и мн. числа настоящего времени⁷. По мнению С. П. Обнорского, образование форм 3-го лица на *-t-* было явлением вторичным, сложившимся на основе первоначальных форм без *-t-*. По морфологическому строению формы на *-t-* должны были содержать в своей флексивной части какие-то элементы местоименного происхождения. Этими придаточными элементами в древнерусском, как и в старославянском, были *-тѣ* и *-тъ*, которые по происхождению являются указательными местоимениями *тѣ*, *та*, *то*.

*

Новое слово принадлежит С. П. Обнорскому в вопросе о происхождении русского литературного (письменного) языка в его отношении к старославянскому (церковнославянскому). Этот вопрос был в центре научных интересов русских лингвистов с начала возникновения научного, сравнительно-исторического языковедения.

А. Востоков в своем знаменитом «Рассуждении о славянском языке», выделяя в развитии славянского языка три периода (древний язык —

¹ Сб. «Язык и мышление», т. II—IV, М.—Л., 1935.

² Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра (1864—1934)», М.—Л., 1938.

³ «Труды комиссии по русскому языку», т. I, Л., 1931.

⁴ «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов», под ред. С. П. Обнорского, М.—Л., 1947.

⁵ С. П. Обнорский, Сочетание *чи* в русском языке, стр. 96.

⁶ С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, М., 1953.

⁷ Раздел этот раньше был опубликован как отдельная статья; см. С. П. Обнорский, Образование глагольных форм 3-го лица настоящего времени в русском языке. ИАН ОЛЯ, 1941, № 3.

в письменных памятниках от IX и за XIII столетие, средний язык XV и XVI столетий и новый славянский — язык печатных церковных книг)¹, характеризует развитие русского литературного языка следующим образом: «русский язык... берет на себя отличный от прежнего вид: издревнего русского, на каком писаны Правда Ярославова, Поучение Мономахова и Слово о полку Игореве, делается средним и русский — язык Судебника и Уложения, уступивший наконец место новейшему русскому языку 18-го столетия»². В рассуждениях Востокова трудно ожидать четкости и полной ясности, но для нас важно то, что он признает язык «Русской Правды», Поучения Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве» русским, а не «славянским».

И. И. Срезневский в своих «Мыслях об истории русского языка» также выделяет из состава памятников древнерусской литературы сочинения Владимира Мономаха, Слово Даниила Заточника, Хождение Даниила Паломника, летописи, «Слово о полку Игореве»; они, по его мнению, особо отличаются народностью слога, русской народной манерой выражения мыслей и образов³.

Более последовательную и выдержанную картину происхождения и развития русского литературного языка рисует А. И. Соболевский⁴. По его мнению, древняя Русь имела два языка письменности: 1) литературный и 2) деловой. Русский литературный язык по своему происхождению был церковнославянским языком русского извода; «церковнославянский язык был для Руси языком литературы в течение всего древнего периода русской истории, т. е. до конца XVII века»⁵. «Другим языком древнерусской письменности, деловым, был русский язык»⁶. Литературный церковнославянский язык отличался сложностью своего синтаксиса и богатством словарного состава. Деловой же русский язык характеризовался крайней простотой синтаксических оборотов и однообразием своего словаря. Считая русский литературный язык церковнославянским по происхождению, А. И. Соболевский не отрицал чисто русской основы древнейших наших памятников законодательного и делового характера, а также первоклассных литературных произведений — летописи и «Слова о полку Игореве».

А. А. Шахматов, как и А. И. Соболевский, противопоставлял древнерусский книжный язык, как язык литературный, деловому (актовому) языку древней Руси. Книжный язык, по Шахматову, русские заимствовали вместе с христианством из Болгарии. Этот инославянский по происхождению книжный язык, постепенно все более и более воспринимавший русские элементы⁷, делается родоначальником современного русского литературного языка, в котором и теперь содержится наполовину слов, форм и оборотов древнеболгарской книжной речи.

¹ А. Востоков, Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам, «Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете», ч. 17, М., 1820, стр. 6.

² Там же, стр. 53.

³ И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, СПб., 1850, стр. 114.

⁴ «Лекция академика А. И. Соболевского „Русский литературный язык“», «Приложение к изд. „Труды первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22—31 декабря 1903 г.)“, СПб., 1904, стр. 365—366.

⁵ Там же, стр. 365.

⁶ Там же, стр. 366.

⁷ См. об этом А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11, 1), Пг., 1915, стр. XXXIX. Ср. также его «Очерк современного русского литературного языка» (4-е изд., М., 1941), гл. 1.

Так наши крупнейшие языковеды прошлого представляли себе происхождение русского литературного языка. Все они сходились в том, что истоки современного русского языка восходят к древнерусскому книжному, по происхождению древнеболгарскому, языку.

Нельзя сказать, что это мнение сложилось у языковедов в результате тщательного, всестороннего и глубокого изучения языка древнерусских памятников разного жанра. Исходили преимущественно из того самоочевидного факта, что вся многочисленная книжная церковная, богослужебная и поучительная, литература, среди которой совершенно терялись оригинальные русские произведения нецерковного характера, была написана на церковнославянском языке. К тому же язык оригинальных русских памятников также заметно был пронизан церковнославянизмами. Особняком стоял лишь язык деловых памятников, в русской основе которого сомнения ни у кого не могло быть. Но деловые памятники занимали периферийное положение в письменной литературе и в силу этого не могли оказать определяющего влияния на развитие литературного языка. Кроме того, господствовавшее в нашей дореволюционной науке общее представление о всей духовной культуре древнего Киева как о культуре несамобытной, несамостоятельной, во всех своих ведущих линиях зависимой от византийской культуры, укрепляло убеждение в иноземном, южнославянском, происхождении русского литературного языка.

С. П. Обнорский до 30-х гг. также стоял на традиционной точке зрения по вопросу о происхождении русского литературного языка. Так, в статье «К истории словообразования в русском литературном языке» он пишет: «Призванный к жизни наш литературный язык был по происхождению своему не русским, а именно церковнославянским языком»¹. И вслед за своим учителем, А. А. Шахматовым, повторяет, что церковнославянский язык был орудием нашего просвещения, что «на нем стала пробовать свои первые силы наша оригинальная литература, он, короче, вступил в полное права нашего литературного языка, при том не только письменного, но, очевидно, и живого разговорного...»².

В 1934 г. С. П. Обнорский опубликовал статью о «Русской Правде», в которой выдвинул совершенно новую теорию о происхождении русского литературного языка³. Памятник этот был хорошо известен русским языковедам, и все отмечали преобладание в его языке чисто русских черт, но никто не придал этому факту принципиального значения и не сделал из него логического вывода. С иной точки зрения подошел к памятнику С. П. Обнорский. Он поставил перед собою задачу — на основе изучения языка пространной редакции «Русской Правды» по Синодальному списку 1282 г. восстановить лингвистический облик протооригинала. Задача довольно сложная, так как между списком 1282 г. и предполагаемым протографом лежит более 250 лет, в течение которых памятник неоднократно переписывался и соответственно видоизменялись отдельные его языковые черты.

Пользуясь разработанной А. А. Шахматовым методикой снятия языковых наследий разных эпох, С. П. Обнорский тщательно обследовал язык «Русской Правды» во всем его объеме (фонетика, морфология, синтаксис, лексика) и пришел к следующим выводам:

1. Синодальный список «Русской Правды» содержит основную, первичного сложения (XI в.), редакцию «Правды».

¹ С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке, сб. «Русская речь», Новая серия, I, Л., 1927, стр. 75.

² Там же.

³ С. П. Обнорский, Русская Правда, как памятник русского литературного языка, ИАН СССР, Серия VII, Отд-ние обществ. наук, 1934, № 10.

2. Во второй половине XII в. уже в Киеве был составлен новый вариант первоначальной редакции «Русской Правды». Этот вариант и явился прямином оригиналом Синодального списка.

3. В языке изучаемого списка «Правды» четко отложились три слоя языковых явлений различного хронологического и территориального происхождения: а) непосредственно языку писца Синодального списка принадлежат такие явления, как цоканье и второе полногласие (черты новгородские); б) от ближайшего оригинала (киевского происхождения) в языке Синодального списка отложился ряд черт: употребление *ъ* на месте *е* в закрытом слоге, отсутствие следов ассимиляции по глухости в группе согласных, формы дат. падежа ед. числа *сынови* (не *сыноу*), 3-го лица ед. числа наст. времени на *-ти* (перед следующим *и*, формой вин. падежа ед. числа местоимения), устойчивость флексии *-и*, *-и* в им.-вин. падежах ед. числа муж. рода, отдельные книжные формы склонения и спряжения, отдельные элементы книжной лексики; в) богаче всего представлен третий слой, привнесенный в Синодальный список из основного, новгородского по месту сложения, оригинала «Правды», — это совокупность языковых явлений, характерных для русского языка старшего периода и чуждых болгарско-византийскому воздействию.

Таковы конкретные выводы из лингвистического анализа памятника. Опираясь на эти выводы, С. П. Обнорский высказал смелую научную гипотезу о том, что «русский литературный язык старшей эпохи был в в собственном смысле русским во всем своем остоге»¹.

Ход его рассуждения был таков. В «Русской Правде», этом старейшем памятнике русского литературного языка, представлен русский литературный язык старшей поры, существенными чертами которого были близость по структуре к разговорному стилю русской речи, полное отсутствие следов взаимодействия с болгарской культурой, совершенное отсутствие церковной и вообще византийской лексики. Эти черты объясняются тем, что русский литературный язык складывался в старом культурном центре в Новгороде, вдали от влияния юга. Но зато на литературный язык того времени оказали заметное влияние иные культурные центры — со стороны германского (скандинавского) и, по-видимому, западославянского мира. Позднее на этот русский литературный язык оказала сильное воздействие южная, болгарско-византийская культура. «Оболгарение русского литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший веками *crescendo*»².

Эта гипотеза С. П. Обнорского, с одной стороны, перекликается со старым утверждением И. В. Ягича, что на юге Руси «духовное просвещение поддерживало более тесные сношения с Константинополем и южными славянами, господство чистого церковного языка продолжало быть сильнее и сознательнее, чем на далеком севере, завязавшем очень рано сношения с западным иноземством»³. С другой стороны, гипотеза Обнорского опирается на труд акад. Н. К. Никольского «Повести временных лет», в котором автор исследует вопрос о древнейших культурных связях восточных славян с западными⁴.

¹ С. П. Обнорский, Русская Правда, как памятник русского литературного языка, стр. 776.

² Там же.

³ И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб., 1889, стр. 5.

⁴ Н. К. Никольский, Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, Л., 1930 («Сб. по русскому языку и словесности [АН СССР]», т. II, вып. 1).

Новая гипотеза по кардинальной проблеме русского языкознания, идущая вразрез с твердо установившимся в науке положением, настоятельно требовала дальнейших исследований и более обстоятельной аргументации¹. Это прекрасно понимал и Сергей Петрович. С целью дальнейшей аргументации своей гипотезы он приступил к изучению языка древнейших русских памятников [нецерковного жанра — «Русской Правды» (в краткой редакции), сочинений Владимира Мономаха, Моления Даниила Заточника, «Слова о полку Игореве»], на русскую природу которых обратили внимание и языковеды прошлого. Исследования этих памятников языка были объединены и изданы в одной книге². Задача и методика изучения здесь остались теми же: исследователя интересовало не простое описание языка данного памятника, а выявление языковых особенностей первичного его оригинала.

Лингвистическое изучение указанных памятников окончательно убедило ученого в безусловной справедливости его точки зрения на происхождение русского литературного языка. Правда, С. П. Обнорский более уже не выдвигает положения о исконных культурных, в том числе и языковых, связях русского севера с германским и западнославянским миром, но во всем остальном он считает свою гипотезу подкреплённой новыми данными и безоговорочно правильной.

Общие признаки русского литературного языка старшей поры теперь стали более отчетливо вырисовываться: во-первых, это общий русский его облик и в фонетике, и в морфологии, а особенно в синтаксисе и лексике; во-вторых, это архаический тип языка, характерный для русского языка XI—XII вв.; в-третьих, очень слабая доля церковнославянского влияния; к тому же, чем старше памятник, тем меньше в нем церковнославянских элементов. На основании новых данных С. П. Обнорский рисует такую картину сложения и движения русского литературного языка. Русский литературный язык сложился еще в доисторическую пору. Нормальный естественный рост русского языка в историческую пору осложняется появлением рядом с ним болгарского книжного языка как языка церковной письменности. Церковнославянский язык, хотя и был относительно близок к русскому языку, но как литературный язык, притом церковной книжности, он резко отличался от русского литературного языка, сложившегося на основе живого русского языка. Поэтому церковнославянский язык не мог ассимилироваться с русским языком. Этим объясняется слабое общее отражение церковнославянского языка на системе русского языка.

Сильнее всего было лексическое влияние церковнославянского языка на книжный (преимущественно церковный) стиль русского языка. Отсюда уже определенные пласты церковнославянской лексики переходили в общенародный русский литературный язык. В процессе усвоения церковнославянской лексики русский язык обогатился и некоторыми морфологическими средствами.

«Этот процесс ассимилирования русским литературным языком элементов церковнославянского языка шел постепенно, из века в век нарастая. Его значение в общем развитии русского литературного языка было положительным... И все же воздействие церковнославянского языка на русский литературный язык не следует преувеличивать. Оно было односторонним,

¹ См. критические замечания А. М. Селищева в его посмертно опубликованной статье «О языке „Русской правды“ в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (ВЯ, 1957, № 4).

² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946.

проявившимся в лексическом и стилистическом обогащении нашего языка, и почти не затронуло общих структурных его основ¹.

Гипотеза С. П. Обнорского о первичности восточнославянской основы в русском литературном языке получила в советском языкознании широкое распространение и приобрела большую популярность. Она вошла во все официальные программы и учебники по истории русского языка. Понятно, что эта гипотеза, как всякая другая новая научная гипотеза, еще нуждается в дальнейшей проверке и более широком обосновании. В частности, необходимо, пользуясь методикой лингвистического анализа памятника, так широко применяемой С. П. Обнорским, детально обследовать язык всех древнейших оригинальных русских памятников и в первую очередь — летописей и повестей. Но одно бесспорно: любой ученый, занимающийся историей русского литературного языка, не сможет пройти мимо теории С. П. Обнорского. В свете данной теории теперь ясны односторонность и схематическая прямолинейность господствовавших до сих пор представлений о церковнославянской основе русского литературного языка в целом. И в этом огромная заслуга С. П. Обнорского перед наукой о русском языке.

*

Вопросы становления норм русского литературного языка всегда были в сфере научных интересов С. П. Обнорского. Прекрасное знание истории нашего книжного языка и народных диалектов во всем их объеме давало ему возможность наметить пути развития грамматического строя и лексического состава русского литературного языка не только старой поры, но и XVIII—XIX вв.; при этом излюбленной темой его было выявление элементов северновеликорусской стихии в составе русского литературного языка. В этом отношении характерны и интересны две его статьи — о Ломоносове и о Пушкине.

В первой статье на основе изучения фонематических и морфологических явлений в филологических трудах Ломоносова и языке его произведений Сергей Петрович приходит к выводу, что «нормы Ломоносова, утвердившиеся в языке, смягчали московские устои прежнего литературного языка. Это было общим воздействием на литературный язык живой севернорусской стихии... Не все, конечно, что проводилось в язык Ломоносовым как севернорусом, должно было войти и вошло в оборот литературного языка. Черты, которые должны восприниматься как более или менее резкие местные, областные особенности, не могли ассимилироваться в общем литературном употреблении... Но основной костяк выдвинутых Ломоносовым норм языка определил дальнейшие судьбы его развития, пережил эпоху творческой деятельности Пушкина и служит живой основой современного нашего языка»².

Вторая статья посвящена вопросам произносительных норм Пушкина и его времени. Изучение фонетики пушкинских рифм дало основание Сергею Петровичу утверждать, что «аканье Пушкина, в основном, аканье мягкого, северного типа, тишичное и для норм современного нашего литературного произношения»³; что произношение сочетания *чи* в известных группах лексики в языке Пушкина доминирует в виде *чи*, не по московской норме (*ини*), что также отвечает нормам современного литературного языка; что «по свидетельству языка Пушкина в литературных нормах его вре-

¹ С. П. Обнорский, «Культура русского языка», стр. 14.

² С. П. Обнорский, Ломоносов и русский литературный язык, ИАН ОЛЯ, 1940, № 1, стр. 63—64.

³ С. П. Обнорский, Пушкин и нормы русского литературного языка, «Труды юбилейной научной сессии [Ленингр. ун-та]. Секция филол. наук», Л., 1946, стр. 98.

мени постепенно изживалось архаически сохранившееся в отдельных словах фрикативное произношение согласного»¹. Таким образом, «можно видеть, что нормы литературного языка, отраженные Пушкиным, примыкают к северной разновидности литературного языка»².

Со статьями о литературном языке близко соприкасаются многочисленные работы С. П. Обнорского по вопросам культуры речи, по унификации правописания, по нормализации грамматических правил и правил словоупотребления. С этими вопросами Сергею Петровичу приходилось иметь дело длительное время в процессе редактирования академического словаря русского языка. В 1934 г. он выступил на заседании Отделения общественных наук АН СССР с докладом о русском правописании и языке в издательской практике³. Подвергнув критическому рассмотрению основные руководства-справочники по правописанию и по полиграфическому делу, выпущенные различными советскими издательствами, а также их печатную продукцию, Сергей Петрович показал большой разбой между ними и низкий научный уровень почти всех ведомственных орфографических и грамматических справочников.

Чтобы направить разрешение важной проблемы унификации и нормализации русского правописания и спорных случаев русского словоупотребления по научному пути, Сергей Петрович предложил, чтобы Академия наук возглавила эту работу. Отделение общественных наук приняло предложение докладчика и создало специальную Орфографическую комиссию АН СССР под председательством С. П. Обнорского.

В серии статей С. П. Обнорский разработал и изложил принципы унификации русского правописания, определил основные направления нормализации русской речи, осветил центральные проблемы культуры русского языка⁴.

*

Важную сторону научной деятельности С. П. Обнорского составляет его работа в области лексикографии. В течение двадцати пяти лет (1912—1937) Сергей Петрович работал над «Словарем русского языка», издаваемым Академией наук, длительное время был руководителем и вдохновителем всей словарной работы в Академии. В настоящее время как член главных редакций академических словарей русского языка он принимает активное участие в их разработке. Ему принадлежит первая «Инструкция для редакторов», которая положена в основу дальнейших аналогичных изданий Академии наук⁵. Сергей Петрович составил восемь выпусков «Словаря русского языка» на букву Л. Первый из них, содержащий статьи на «Л — легкий», был издан еще при жизни А. А. Шахматова (в 1915 г.). Пройдя лексикографическую школу под непосредственным руководством А. А. Шахматова, С. П. Обнорский твердо усвоил шахматовские принципы составления словаря и в своих выпусках творчески их применял.

Освовательное знание русского языка во всем его объеме, общая высокая филологическая подготовка, острый взгляд лингвиста-исследова-

¹ С. П. Обнорский, Пушкин и нормы русского литературного языка, стр. 98.

² Там же.

³ См. публикацию этого доклада: С. П. Обнорский, Русское правописание и язык в практике издательств, ИАН СССР, Серия VII, Отд-ние обществ. наук, 1934, № 6.

⁴ Наиболее важные из этих работ следующие: С. П. Обнорский, Основные принципы орфографической нормализации, «Русск. яз. в шк.», 1939, № 5—6; его же, Борьба за культуру русского языка, «Сов. педагогика», 1945, № 10; его же, Правильности и неправильности современного русского литературного языка, ИАН ОЛЯ, 1944, вып. 6; его же, Культура русского языка, ИАН ОЛЯ, 1945, вып. 2; его же, Культура русского языка, М.—Л., 1948.

⁵ С. П. Обнорский, Словарь русского языка. Инструкция для редакторов, М.—Л., 1936.

теля, природное чувство родного языка — все это дало С. П. Обнорскому возможность вести свою лексикографическую работу на высоком уровне. По тщательности и четкости построения словарных статей, по широте показа словоупотребления, по обилию иллюстративного материала, по краткости и точности толкования значений слова выпуски Обнорского не уступают выпускам, составленным самим Шахматовым.

Сергей Петрович — большой знаток народной речи. В отличие от многих диалектологов, он знает народные диалекты во всем их объеме, т. е. не только фонетические и грамматические особенности, но, что чрезвычайно важно, и лексику диалектов. В своей исследовательской деятельности С. П. Обнорский никогда резко не отделял явления литературного языка от фактов народных говоров и свои научные концепции строил на изучении русского языка в его целом, прослеживая взаимное действие литературного языка и живой народной речи. Этим объясняется, что работ на узко диалектологические темы у него мало. Сюда относятся его «Заметки по русской диалектологии», в которых рассматриваются южновеликорусские формы вин. падежа ед. числа жен. рода прилагательных на *-уя*¹, исчезновение *д* между гласными и диссимиляция согласных в русском языке². Здесь же следует упомянуть его небольшую, но очень содержательную работу «Русское сегодня»³.

Как историк языка С. П. Обнорский не мог не интересоваться вопросами этимологии слов, неясных или спорных по своему происхождению. Этимологические этюды Сергея Петровича по сути дела являются историей изучаемого слова с учетом морфологического типа его сложения, сферы распространения слова и движения его значений. Такова, например, его работа о слове *лахудра*⁴ и его ответ А. Маркову, представившему свои соображения о финском происхождении этого слова⁵. Выясняя историю слова *лахудра*, С. П. Обнорский прежде всего устанавливает, что слово это известно лишь русскому языку, к тому же в народном, по большей части в областном, употреблении, и определяет географическое его распределение и развитие его семантики. Оказывается, что слово *лахудра* широко распространено в средней полосе и на юго-востоке России. По мнению Сергея Петровича, оно представляет собой позднейшее образование, происшедшее от имени прилагательного (*лахудрый* — *лахудрая* — *лахудра*); первичным значением слова было «растрепанный» с дальнейшими изменениями — «оборванный», «спрыснутый»; о женщине: («нравственно» истрепанная, распутная). На основе частных значений сложилось общее значение «худой, изможденный, слабый». Семантически слово связано с темой *лах-*, *лах-*, *лахм-*. Объясняя морфологическое строение слова, Сергей Петрович говорит, что расчленение его на *лах-удр-ый* было бы непонятно, так как суффикс *-удр-* в русском словообразовании неизвестен, и высказывает предположение, что здесь имело место словосложение: *лах-+кудр->лахудрый* ~ *лахокудрый*, откуда фонетически закономерно получилось *лахудрый*.

По такому же плану, но с привлечением обширного материала и с детальным его анализом написана статья по истории слова *хороший*⁶. Ос-

¹ «Slavia», ročn. VII, seš. 4, 1929.

² «Slavia», ročn. XI, seš. 1, 1932.

³ S. O b n o r s k i j, Russisch *сегодня*, «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. III, Doppelheft 1/2, 1926.

⁴ С. П. О б н о р с к и й, К этимологии слова *лахудра*, РФВ, т. LXXII, вып. 1 и 2, №№ 3 и 4, 1914.

⁵ С. П. О б н о р с к и й, Один мнимый финнизм в русском языке. (Ответ А. Маркову), РФВ, т. LXXXIII, вып. 2, № 2, 1915.

⁶ С. О б н о р с к и й, Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке, сб. «Язык и литература», [РАНИОН], т. III, Л., 1929.

повные выводы автора следующие: 1) слово *хороший* по своему происхождению — притяжательная форма имени прилагательного, образованная от существительного *Хорос*, которое было заимствовано южнорусскими племенами в доисторическую пору из иранского источника; 2) в литературный язык слово проникло из южнорусской среды; 3) наличие слова *хороший* или производных от него образований в народном языке объясняется общим литературным влиянием на народный язык.

С иными задачами написаны этимологические заметки Сергея Петровича о так называемых доисторических заимствованиях из готского языка. Сюда относятся две статьи: «Общеславянское смягчение *к* и готские заимствования»¹ и «Готское ли заимствование слово *блюдо*?»². Обе статьи имеют целью показать, что господствующие в науке представления о размерах славянских заимствований из готского значительно преувеличены. Исходя из фонетического закона, согласно которому в эпоху гото-славянских отношений звук *к* в известных условиях в славянском смягчался в *ц* (а не в *ч*), Сергей Петрович считает слово *ч*Адо славянским (индоевропейским) по своему происхождению, а не готским заимствованием. Слова *блюдо*, а также *штоудь* по соображениям фонетического характера он также не признает заимствованными, а считает исконно славянскими.

Внимательно следя за выходящими книгами по русистике, Сергей Петрович живо откликается на наиболее значительные из них. Рецензии его интересны и содержательны. Они принадлежат к тому типу научного разбора книги, который был характерен для наших известных языковедов — Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова. Отличительной чертой таких рецензий является то, что в них рецензент не только оценивает наблюдения, утверждения и концепцию автора, но в нужных случаях излагает свои собственные мысли, подкрепляя их анализом дополнительно привлеченного материала. Такие рецензии способствуют выяснению научной истины, обогащают науку новыми данными, оригинальной постановкой вопроса, новыми выводами. Таковы и критические отзывы С. П. Обворского. Наиболее ценными из них являются рецензии на «Граматику русского языка. II. Морфология» Р. Кошутича³, на «Историческую грамматику русского языка. I.» К. Мейера⁴, на «Очерк истории русского языка» Н. Дурново⁵, на его же «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров». (I — «Южновеликорусское наречие»)⁶.

Несмотря на тематическое многообразие исследований С. П. Обворского вся научная деятельность его подчинена одной проблеме формирования и дальнейшего развития русского литературного языка. Изыскивая пути разрешения этой проблемы, он изучает язык древнейших памятников, язык произведений наших классических писателей, обширные данные народных говоров, показания прочих славянских языков. Этой задаче подчинены фонетические, морфологические, лексические разыскания Сергея Петровича. С этой же целью он занимается вопросами нормализации русского литературного языка, культуры русской речи.

Все основные работы С. П. Обворского отличаются одной особенностью, типичной для его исследовательского метода: доказывая какую-нибудь общую мысль путем привлечения и анализа специально подобранного обильного материала, он, в связи с изучением изолированных групп слов или их форм, попутно высказывает оригинальные мысли, делает тонкие

¹ ИОРЯС, т. XIX (1914), кн. 4, 1915.

² РФВ, т. LXXIII, вып. 1, № 1, 1915.

³ ИОРЯС, т. XXI, кн. 1, 1916.

⁴ ИОРЯС, т. XXX (1925), 1926.

⁵ «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. IV, Doppelheft 1/2, 1927.

⁶ «Zeitschr. für slav. Philologie», Bd. I, 1925.

наблюдения, имеющие самодовлеющую ценность. Таким образом, вокруг основного центра исследования группируются частные наблюдения, рассуждения, свидетельствующие о широком круге знаний и интересов ученого, о его огромной эрудиции. Собранные вместе, эти лингвистические экскурсы представляют большой научный интерес.

«Есть два типа ученых, — писал С. П. Обнорский. — Одни ученые, богато одаренные интуицией, опираясь на результаты предшествующей разработки, ломают и переворачивают науку, определяя для нее новые пути роста, или в самом основании сильно продвигают ее вперед, открывая новый этап ее развития. Этого типа ученые, конечно, редки... Другие ученые неутомимым исследованием интенсифицируют изучение науки, обрабатывают материалы, из кропотливого их анализа извлекают проверенные факты, комбинированием которых приходят к постулированию известных явлений более общего характера»¹. Своего учителя, акад. А. А. Шахматова, Сергей Петрович справедливо относит к первому типу ученых, себя же, по всей вероятности, причисляет к ученым второго типа, которые, не ломая направления науки, не перестраивая ее основ, своими знаниями, выдающимися способностями, кропотливым трудом обеспечивают рост науки. Ученый большой творческой силы, богатой эрудиции, мастер тонкого лингвистического анализа, С. П. Обнорский является прекрасным продолжателем дела А. А. Шахматова — историка русского языка.

¹ С. П. Обнорский, Памяти А. М. Селищева, «Доклады и сообщения филол. фак-та [МГУ]», вып. 4, 1947, стр. 40.